

СУДОУСТРОЙСТВО И ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКОВ): ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

JUDICIAL SYSTEM AND FOUNDATIONS OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE RUSSIAN EMPIRE (LATE 18TH — EARLY 19TH CENTURIES): ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECT

I. Uporov

Summary. This article examines the main trends in the development of criminal procedure in the Russian Empire in the late 18th — early 19th centuries (the reigns of Catherine II, Paul I, and Alexander I). The article analyzes the relevant legal acts governing this area of public relations (imperial decrees, etc.), as well as scholarly works on the topic. It is noted that criminal proceedings were determined, firstly, by the structure of the courts that heard criminal cases, and secondly, by the pre-trial (inquiry-investigation) criminal procedural activities of police agencies. In this regard, the most significant decisions in improving criminal proceedings were the adoption of the Institution for Governance of the Provinces (1775) and the Charter of Decency and Police (1782), which took the first steps toward overcoming the previous archaism in the procedure for considering criminal cases. Subsequently, a slow but progressive development of the criminal justice sphere took place on the advanced principles of that time. A certain completion of the process of formation of the corresponding state apparatus and criminal procedural norms occurred with the creation of the Ministry of Internal Affairs in the early 19th century and the subsequent systematization of criminal procedural law in Book Two, Volume 15. Code of Laws of the Russian Empire.

Keywords: judicial system, criminal procedure law, provinces, institutions, code of laws, charter of the décor, court.

Длительное время в Московском государстве и затем в Российской империи российской монархии довлел инквизиционный (розыскной) характер судопроизводства, в том числе по уголовным делам. Такой подход нашел отражение, в частности, в петровском «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» (1715 г.), где были зафиксированы четыре вида доказательств: собственное признание, письменные доказательства, свидетельские показания и присяга [1, с. 97], при этом для получения признания могла использоваться пытка [2]. В ту же эпоху Петра I стали формироваться полицейские органы, которые получали ряд уголовно-процессуальных полномочий дознавательного харак-

Уповров Иван Владимирович
д.и.н., к.ю.н., профессор, Российская академия
естествознания, г. Краснодар
uporov@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития в Российской империи конца XVIII — начала XIX вв. (время правления Екатерины II, Павла I, Александра I) института уголовного судопроизводства. Анализируются соответствующие нормативно-правовые акты, регулировавшие данную сферу общественных отношений (императорские указы и др.), а также научные труды по заявленной теме. Отмечается, что уголовное судопроизводство определялось, во-первых, устройством и деятельностью судов, которые рассматривали уголовные дела, и во-вторых, уголовно-процессуальной досудебной (дознательно-следственной) деятельностью органов полиции. В этом отношении крупнейшим решением в совершенствовании уголовного судопроизводства стало принятие Учреждений для управления губерний (1775 г.) и Устава благочиния, и полицейского (1782 г.), которые сделали первые шаги по преодолению предшествовавшего архаизма в порядке рассмотрения уголовных дел. В дальнейшем шло медленное, но поступательное развитие уголовно-судопроизводственной сферы на передовых к тому времени началах. Определенное завершение процесса складывания соответствующего госаппарата и уголовно-процессуальных норм произошло с созданием в начале XIX в. Министерства внутренних дел и последующей систематизацией уголовно-процессуального права в Книге второй т. 15. Свод законов Российской империи.

Ключевые слова: судопростройство, уголовно-процессуальное право, губернии, учреждения, свод законов, устав благочиния, суд.

тера. Но системы уголовного судопроизводства еще не складывались.

Ситуация стала заметно меняться в период правления Екатерины II, когда в духе просвещенного абсолютизма был принят ряд законов в сфере судопроизводства и уголовного процесса. При этом нужно иметь в виду, что судопроизводственные изменения являлись составной частью реформы государственного управления в целом, в которой императрица стремилась проводить ее в духе сложившихся к тому времени европейских ценностей. Так, в именном указе 1762 г. указывалось: «Наше главное попечение будет изыскивать все средства к утвержде-

нию правосудия в народе, которое есть первое от Бога Нам преданное святым его Писание повеление ... Мы, милость и суд в пути непорочном царствовании Нашего, Богу и народу обещали» [3].

Важнейшим актом реформы государственного управления стало издание закона под названием «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» в 1775 г. [4] (далее для краткости — «Учреждения»). Согласно этому закону в губернии были установлены две судебные инстанции: низшая — в уезде, высшая — в губернском городе, что должно было приблизить суд к населению. Членами судов являлись выборные представители местных обществ. Большинство судов были сословными. Однако появились и общие для сословий судебные органы — Палаты гражданского и уголовного суда в губернии. Суды в целом оставались коллегиальными учреждениями. Устанавливались следующие местные судебные органы: губернские — Палата уголовного суда, Палата гражданского суда, Верхний земский суд, Верхняя расправа, совестный суд, Губернский магистрат, Сиротский суд, городовые старосты и судьи словесного суда губернского города (все имели местом своего пребывания губернский город); уездные — Уездный суд, Нижняя расправа, Нижний земский суд, городовые старосты и судьи словесного суда уездного города, Городовой магистрат, или Ратуша, Городовой сиротский суд (их местонахождение было в уездном городе). Судьи городского и губернского магистрата избирались из мещан сроком на три года [5, с. 38]. Кроме того, в С.-Петербурге и Москве учреждались суды, территориальная подсудность которых являлась исключительной и распространялась лишь на дела обеих столиц — Верхний и Нижний надворные суды [6, с. 101]. В соответствии с сословным принципом организации суда для дворян были созданы Уездный и Верхний земские суды.

В итоге, согласно «Учреждениям», предусматривалось, что в каждой губернии создавались по две судебные инстанции (уездной и губернской) для каждого из трех сословий, то есть процесс законодательного оформления и закрепления сословного строя сопровождался созданием сословной юстиции. Третьей инстанцией для каждой категории сословных судов был губернский общесословный судебный орган — Палата уголовного и Палата гражданского суда. Вышестоящим по отношению к ним звеном инстанцией стал высший судебный орган в империи — Сенат. Помимо сословных и сословных общих судебных органов судебная система империи была дополнена судами «особенными». К ним в первую очередь относился совестный суд, который сочетал в себе функции суда по малозначительным делам, третейского суда и отчасти прокуратуры [7].

При этом нужно также иметь в виду, что отрегулированное «Учреждениями» новое судоустройство опре-

деленным образом стало улучшать взаимодействие с органами, занимавшимися досудебным расследованием по совершаемым преступлениям, и которые стали функционировать после принятия спустя несколько лет Устава благочиния, или полицейского (1782 г.) [8] (далее — Устав благочиния). Этот закон имел существенное значение в регулировании административных и уголовно-процессуальных правоотношений в сфере деятельности полиции в дореформенной России, в том числе в части предварительного следствия, и справедливо оценивается как «яркий образец законотворческой деятельности» [9, с. 46]. В историко-правовой литературе этот акт детально проанализирован (в числе авторов Г.О. Бабкова, Ю.В. Сидоркин, Д.В. Орлов, С.В. Кодан, И.Ю. Поляков, Н.В. Стус, И.А. Коновалов, Б.Б. Шиманис, М.И. Сизиков, И.А. Облицов, Е.Н. Анучин, А.В. Борисов и др.).

В этом контексте недостаточно внимания уделяется тому, что и до Устава благочиния имело определенное развитие полицейского права, часть норм которого, собственно, и стали в последующем основой Устава благочиния. И здесь вновь придется обратиться к «Учреждениям», в которых система организации полиции была безусловно усовершенствована. При этом следует особо подчеркнуть, что в процессе этого усовершенствования более четко стали регулироваться не только организационно-правовые аспекты деятельности полиции, но и уголовно-процессуальные полномочия органов полиции. В частности, была создана сельская полиция («земская полиция, или благочиние»). В каждом уезде местные дворяне на своих собраниях выдвигали несколько кандидатур в «нижний земский суд», исполнявший административно-полицейские и судебные функции. Члены нижнего земского суда и их руководитель — земский исправник (или капитан-исправник) утверждались в своей должности губернатором. Так, земский исправник при совершении «насилия» осуществлял дознание (расследование), в том числе указывалось, что он «тотчас на месте о том изследывает без многого письменного производства, но единственно в ясность приводит, учинился ли такой-то случай или нет, и свидетелей допрашивает, и буде у кого что отнято, и оно налицо находится, тотчас велит возвратить, и даст о том знать уездному суду, к которому прозбу производить дозволяется тем, кои доказать могут, что земский исправник пристрастно или несправедливо поступил» [4]. В городах аналогичные функции налагались на городничего (при отсутствии такового — на коменданта города). Кроме того, за ходом следствия могли наблюдать — в рамках общего надзора — губернские прокуроры и губернские, земские и уездные стряпчие. Здесь же нельзя не отметить губернатора, имевший среди прочих и некоторые процессуальные полномочия, в частности, ему через губернское правление подчинялся нижний земский суд, состоящий из 3–4 заседателей и капитана-исправника.

В каждом уездном городе, где не было коменданта, определялся городничий. «Учреждения», однако, не предусматривали регулирования городского полицейского аппарата, и это было проблемой, учитывая новые условия городской жизни: развитие промышленности, торговли, увеличение притока оброчных крестьян в города, рост купеческого сословия, выдвигавшего свои требования и т.п. — во многом именно эти обстоятельства послужили причиной разработки и издания Устава благочиния. Помимо этого, «Учреждения» определяли компетенцию полиции, так, в ст. 224 указывалось: «Нижний земский суд долженствует, во-первых, иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок; во-вторых, чтобы предписанное законами, полезное повсюду в уезде исполняемо и сохраняемо было; в случае же нарушения оных, нижний земский суд, по состоянию дела, несмотря ни на какое лицо, всякого должен принудить к исполнению предписанного законом; в-третьих, нижний земский суд один в уезде право имеет приводить в действие повеления правления, решения палат верхних и уездных судов и чинить отказы» [4].

В результате реформ, проведенных на основе «Учреждений», в Российской империи укрепился государственный аппарат, которому были предоставлены возможности для более успешного выполнения административных функций, в том числе полицейских. Созданные тогда правоохранительные органы, уже с учетом Устава благочиния, в большей мере обеспечивали реализацию правоохранительных функций, прежде всего, в интересах двух привилегированных сословий — дворян и горожан [10, с. 63]. Нужно еще отметить, что в целом судебная система времен Екатерины II представляли собой компромисс между стремлением отделить суд от администрации, создать отдельный суд для каждого сословия и сделать из начальника губернии око и ухо государя, «надзор и власть которого одинаково распространяются на все стороны местной жизни». Кроме того, судебные органы, несмотря на определенную организационную обособленность, так и не были вычленены из системы исполнительных органов, то есть, окончательно так и не были отделены от администрации и, как отмечалось, пусть не непосредственно, но все же подчинялись в своей деятельности губернаторам (суд будет отделен от администрации только в рамках судебной реформы 1864 г.).

В дальнейшем система правоохранительных органов, некоторым образом, хотя и непринципиально, изменялась. Так, с приходом к власти Павла I были осуществлены меры по сокращению числа существовавших в империи судебных инстанций путем упразднения верхних и нижних расправ. Правительство Павла I полагало, что общая судебная система России, состоявшая из четырех инстанций (нижняя расправа, верхняя расправа, палаты уголовного и гражданского суда, Пра-

вительствующий сенат) является громоздкой и многоступенчатой, в результате чего нижние суды оказались лишними, поскольку обладали незначительной компетенцией. Реформы Павла I коснулись и Сената, административные департаменты Сената были преобразованы в судебные [11, с. 294]. Вступивший на престол Александр I также привнес некоторые изменения, в основном управленческого характера. Так, при учреждении министерств в компетенцию Министерства (далее — МЮ) входило, в частности, следующие функции: принятие участия в разработке и обсуждении законопроектов, составление отзывов на проекты законов, подготовленных в других ведомствах, участие в кодификации и систематизации законодательства, издание циркулярных и частных предписаний о порядке применения законов подведомственными органами и по другим вопросам, разработка мероприятий по улучшению организации делопроизводства в Сенате и местных судебных органах [12, с. 388–390]. А Рескриптом от 5 августа 1816 г. (по аналогии с екатерининским указом) за МЮ был закреплен надзор за правосудием: «...Поручаю вам усугубить надзор, дабы дела как в Правительствующем Сенате, так и во всех подчиненных ему местах, имели успешнейшее течение, чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизменно, чтобы бедные и угнетаемые находили в Судах защиту и покровительство, чтобы правосудие не было помрачено ни пристрастиями к лицам, ни мерзким лихоимством, Богу противным и Мне ненавистным, и чтоб обличаемые в сем гнусном пороке нетерпимы были в службе и преследуемы всей строгостью законов» [13]. Этот акт отражает также и наличие, выражаясь современным языком, коррупционной составляющей в деятельности судов [14].

Как указывалось выше, с судебной системой непосредственно были связаны уголовно-процессуальные действия, осуществляемые при совершении общественно опасных деяний. И уголовный процесс также находил активное развитие, при этом уже сопровождаемое осмыслением этих вопросов в общественных публикациях. Немалый вклад в дальнейшее развитие института уголовно-процессуального права внес А.Н. Радищев в период его работы в комиссии по составлению законов (после возвращения из ссылки решением императора Павла I). Так, в своем сочинении «Грамота российскому народу» А.Н. Радищев выдвигал смелые утверждения, о которых можно говорить как об уголовно-процессуальных гарантиях подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, в частности, он полагал, что никто не имеет права нарушить личную безопасность российского подданного и лишить его свободы, если это не предусмотрено законом; взятому под стражу или посаженному в тюрьму в трехдневный срок должны сообщить причины его задержания; если в течение трех дней обвиняемый не будет представлен в суд, то он должен быть немедленно освобожден; освобожденный имеет

право предъявить иск к лицу, незаконно взявшему его под стражу; все лица, взятые под стражу, должны быть освобождены под поручительство, кроме обвиняемых в тяжких государственных преступлениях, умышленном убийстве, разбое, подделке монет; отказ в освобождении под поручительство может последовать только на основании постановления суда, признавшего совершение обвиняемым умышленного преступления [15, с. 17–19].

В этой же связи нужно заметить, что с рубежа XVIII–XIX вв. началось целенаправленное научное обсуждение рассматриваемой проблематики. Так, еще до Радищева появилось несколько серьезных имен, занимавшихся правовыми вопросами. Среди них прежде всего следует назвать В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, С.Е. Десницкого. Эти ученые предлагали, в частности, составить новое уложение — взамен Соборного уложения 1649 г., причем подчеркивалось, что новое уложение должно быть написано более ясным, понятным народу языком, считали необходимым ограничить применение смертной казни. Я.П. Козельский, как и Радищев, выступал, в частности, за раскрепощение личности и защиту ее прав и свобод, независимо от сословной принадлежности, отмену телесных наказаний [16, с. 362]. Однако в то время (начало XIX в.) эти идеи не получили поддержки.

Тем не менее нельзя не видеть хотя и медленного, но поступательного движения по внедрению в российский уголовный процесс передовых начал того времени. Об этом свидетельствует, в частности, Указ Сената от 31 октября 1823 г., которым предписывалось, что следствие «должно быть производимо с соблюдением установленного обряда и форм, с представлением подсудимому всех способов к оправданию: поелику сколь ни было бы сильно подозрение противу подсудимого, сколь ни убедительны доводы, его обвиняющие, все сие не может основать справедливого приговора, если обряды и формы были нарушены. Сии формы и обряды, ограждая подсудимого, как невинных, так и виновных, одни только могут дать правосудию его необходимое и священное достоинство» [17]. Но только с введением в действие Свода законов 1832 г. можно говорить об определенной системности уголовно-процессуального права во взаимодействии с устройством судебных органов, в которых рассматривались уголовные дела. Речь идет прежде всего о т.15 Свода законов Российской империи, которых состоял из Свода законов уголовных, а этот свод включал в себя две книги, и вот Вторая Книга («О судопроизводстве по преступлениям») т.15 как раз и была посвящена уголовно-процессуальным аспектам. Так, система мер пресечения включала: содержание в тюрьме и при полиции; домашний арест; полицейский надзор; отдача на поруки. Избрание той или иной меры пресечения зависело от тяжести обвинения, силы улик и звания обвиняемого, то есть учитывалась сословная

принадлежность обвиняемого. Однако основной мерой пресечения и в этот период было содержание под стражей. Полицейский надзор не применялся, хотя был назван в законе. Домашний арест, при котором в доме арестованного должен был находиться полицейский или жандарм, применялся крайне редко. Из мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, имело место по-прежнему лишь поручительство или отдача на поруки. Оно не было связано с материальной ответственностью, но требовались поручители [18, с. 63]. Закон запрещал применять пристрастные допросы, истязания и мучения, но в то же время предписывал «стараться побуждать истину через тщательный расспрос и внимательное наблюдение и соображение слов и действий подсудимого» [19, с. 111]. Допросы могли проводиться по несколько раз. При этом, поскольку данное следственное действие проводили органы полиции, где имелась проблема с профессиональными следователями (в том числе это касалось выделения объекта преступления, учитывая громоздкость уголовного законодательства того времени [20]); законность при допросах соблюдалась далеко не всегда — в этом отношении ситуация стала меняться к лучшему только после реформы 1860 г., когда был введен институт судебных следователей.

С изменениями в сфере уголовного процесса в начале XIX в. связана также крупная реформа государственного управления в 1802 г. — создание министерств, в числе вновь образованных новых органов центрального управления было образовано Министерство внутренних дел, в которое среди прочих включался Департамент внутренних дел, состоящий из четырех «экспедиций». Руководство полицией сосредотачивалось во второй экспедиции Департамента — экспедиции спокойствия и благочиния, состоявшей из двух отделений: первому отделению подчинялась сельская, второму — городская полиция. На первое отделение возлагались сбор ведомостей о происшествиях, предотвращение «ложных слухов», ересей, а главное — наблюдение «за неповиновением крестьян законной власти». Второе отделение, руководившее городской полицией, занималось, по существу, контролем за соблюдением Устава благочиния, а также за состоянием и содержанием полицейских и пожарных команд.

Можно констатировать, что указанные выше решения определили своеобразный остов системного регулирования уголовного судопроизводства в совокупности создания, конкретизации и уточнения судов по рассмотрению уголовных дел, и органов полиции, занимавшихся в уголовно-процессуальном плане следственной (дознательной) деятельностью перед передачей материалов суд. В дальнейшем на этой основе в Российской империи в данной сфере общественных отношений будут осуществлены Следственная реформа 1860 г. и Судебная реформа 1864 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова Н.В. Развитие российского процессуального права в IX — первой четверти XVIII вв.: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 95–99.
2. Миннирес И.В. Становление уголовного и полицейского процесса в российском праве XVIII — начала XIX века // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 3. С. 400–410.
3. Именной указ от 18.07.1762 г. «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» // ПСЗ-1. N 11616.
4. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07.11.1775 г. // ПСЗ-1. N 14392.
5. Конин В.В. Суд присяжных как одна из форм разрешения уголовного дела по существу по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Администратор суда. 2010. N 2. С. 36–40.
6. Полещенко Д.А. Государственная власть и местное самоуправление в Российской империи и Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. N 11. С. 100–103.
7. Ефремова Н.Н. Изменения в судебной системе России во второй половине XVIII в. (Аспекты английского влияния) // Историко-правовые исследования: Россия и Англия. М., 1990. С. 23–34.
8. Устав благочиния, или полицейский от 08.04.1782 г. // ПСЗ-1. № 15379.
9. Кулебакина А.А. Средства выражения императивности в тексте «Устава Благочиния» 1782 года // Уч. зап. Петрозаводского гос.ун-та. 2023. № 4. С. 42–48.
10. Желудкова Т.И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного порядка. М., 1977.
11. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. Период абсолютизма. М.: Мысль, 2003. Т. 2.
12. Карпов В.Ю. Министерство полиции в правоохранительной системе России: 1810–1819 гг.: дис. . . . канд. юрид. наук. М., 2000.
13. Высочайший рескрипт от 05.08. 1816 г. «Об охранении правосудия и о прекращении лихоимства» // ПСЗ-1. № 26387.
14. Упоров И. От понятия «мздоимство» к понятию «взятка» // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 65.
15. Радищев А.Н. Грамота российскому народу // Сочинения. Т. 1. М.: АН СССР, 1941.
16. История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1990.
17. Указ Сенатский от 31.10.1823 г. «О предписании всем присутственным местам, что указ 1776 г. 8 декабря, за изданными впоследствии узаконениями, силы и действия имтьт и в основание решений приводим быть не может» // ПСЗ-1. № 29642.
18. Кутуев Э.К., Мустафаев Н.М. Развитие института принуждения в уголовном процессе в России в XVIII — первой половине XIX в. // История государства и права. 2007. N 10. С. 59–64
19. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841.
20. Упоров И., Хун А. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различие со сходными понятиями // Уголовное право. 2003. № 4.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»